

Нова Україна
інститут стратегічних досліджень

Выборы-2019 «Третий тур»

Под.ред. А.Ермолаева

Авторы доклада: А.Ермолаев, В.Щербина, А.Левцун, Ю.Надтока, В.Емец

КИЕВ 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРОЛОГА	3
СТАРЫЙ ПОРЯДОК И «ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В УКРАИНЕ.....	4
«ПОСЛЕВЫБОРНАЯ ПАУЗА»: ОТ ПОЭЗИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА К ПРОЗЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.....	8
КОНЕЦ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ: НОВОЕ КАЧЕСТВО ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ	18
ВНЕШНИЕ «ЯКОРЯ» НОВОГО ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОГО КУРСА УКРАИНЫ.....	22
ВЫБОРЫ С ВЫСОКОГО СТАРТА.....	27

ВМЕСТО ПРОЛОГА

*«Приглядываясь ближе к украинской интеллигенции, я чувствовал, как хмель революции все более кружит их головы. В сущности, в музыке революции генерал-басом звучит мелодия «все позволено» - и нет ничего невозможного, чего бы нельзя было, по крайней мере, затеять. **Прожектерство – эта хлестаковица всякой революции – бурлило в украинских головах, воображение, которым вообще очень богата украинская душа, разливалось выше меры.** Политическая психология украинских деятелей – это мне было ясно уже тогда – лишена вообще основной силы в политике – реализма, трезвого и делового подхода к своим собственным идеям, выдержки и хладнокровия. Вчерашние «подпольцы», а сегодняшние властители, эти украинские политики, начиная от самого «батька» М.С.Грушевского, не отдавали себе никакого отчета в реальном положении вещей. Даже такой спокойный, в силу уже одной своей культурности выдержанный человек как Дорошенко, с которым я часто пикировался в Совете Министров по вопросам иностранной политики, поражал меня тем, что все его мышление **направлялось исключительно категорией желанного и почти не считалась с категорией реализуемого, возможного.** Второй чертой политической психологии украинской интеллигенции я считаю ее склонность к театральным эффектам, романтическую драпировку под старину («гетьманщина» одна чего стоит – это и монархия, и республика одновременно), **любовь к красивым сценам, погоню за эффектами.** Того делового, осторожного строительства, которое им, «самостийникам», так нужно было, чтобы воспользовались слабостью России, сковать свою «державу», я не видел ни у кого» (В.В.Зеньковский, “Пять месяцев у власти”, религиозный философ, психолог, экс-министр вероисповедания в правительстве гетмана Павла Скоропадского в 1918г., май-октябрь)*

СТАРЫЙ ПОРЯДОК И «ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В УКРАИНЕ

1. Устранение корпоратократии - или очередная «ре-эволюционная петля»? Станет ли «95 квартал» коллективным олигархом, «службой одного олигарха» или утвердится как «революционный менеджмент»?

«Выборы завершились. Да здравствуют выборы!» - примерно так можно охарактеризовать общественно-политические настроения в Украине в 2019 году.

Долгожданное переизбрание президента страны состоялось. Но **ощущение незавершенности, половинчатости произошедшего не покидает ни политиков, ни рядовых граждан.** И дело не только и даже не столько в «блиц-криге», который воплотился в спорном решении нового Президента Украины В.Зеленского о роспуске парламента и досрочных выборах на старой законодательной базе. Дело в том, что **выборы - продолжаются.** «Третий тур», несмотря на известное имя победителя, теперь проходит в кабинетах политических лидеров и в штабах политических партий, в Вене и в Монако, в ресторанах и загородных резиденциях ведущих политических инвесторов.

Оппоненты Порошенко, сделавшие еще в далеком 2016-м ставку на несистемные альтернативы, получили в лице Зеленского и его команды такую же «несистемную власть» с высоким уровнем поддержки и общественных ожиданий, и что, пожалуй, самое важное – с непривычным, а-системным стилем поведения. Свергнув с помощью «проекта ЗЕ» ненавистного Порошенко и его команду, они обрели главу государства, который может из оружия мести превратиться в «центр управления», и тем самым РАДИКАЛЬНО изменить и нарушить все планы после выборов.

От обратного, **В.Зеленский занял президентский пост, но еще не овладел полноценной властью.** Его вчерашние оппоненты и конкуренты по-прежнему контролируют парламента, правительство и госсектор экономики. И даже молниеносные решения нового главы государства о роспуске парламента и «принуждению к отставке» правительства еще не гарантируют ему обретение этой власти после выборов.

Состав и численность будущей коалиции? Лидер коалиции и глава парламента? Глава будущего правительства – как второй (альтернативный?) лидер коалиции? Исполнительная вертикаль (главы администраций) – на компромиссе с местными элитами или «политические парашютисты»? От этих и других «проклятых вопросов» непосредственно зависит судьба нового политического режима.

Поэтому – «третий тур», в котором, собственно и будет решаться политическая судьба нового президента:

- быть Зеленскому с большинством в новом парламенте («Слуга народа+») – или в меньшинстве и политической изоляции;
- укрепиться в исполнительной вертикали – или остаться декоративной фигурой для теневой правящей корпорации («коалиционное правительство»);
- получить поддержку в новом объединении Украины «после войны» - или оказаться сумбурным катализатором новых конфликтов и международных блокад Украины;
- стать лидером нового поколения «революционного менеджмента» на полный срок – или стать жертвой бес-славного импичмента уже осенью 2019.

Блицкриг нового президента В.Зеленского, совершенный в 20-х числах мая, вполне может обернуться осенним блицкригом его оппонентов и конкурентов. Слабая коалиция и активное анти-президентское большинство, петиции об отставке и угрозы импичмента, и что самое действенное и впечатляющее – возможные организованные социальные волнения и акции в

Киеве на фоне ухудшения экономического положения, роста цен и «внутреннего дефолта» из-за неплатежей по ЖКХ.

Именно поэтому есть реальная угроза того, что июльский парламент 2019 года может стать самым пестрым и сумбурным по составу за все годы независимости Украины, но это НИЧЕГО не означает с точки зрения его новой декоративной роли в рамках апгрейда украинской корпоратократии. Потому что в ходе подготовки и организации выборов-2019 самые влиятельные миноритарии корпоратократического украинского класса – И.Коломойский, П.Порошенко, Р.Ахметов, Д.Фирташ, В.Пинчук, В.Медведчук и К – есть константа, а политические проекты и партийные списки – условная переменная.

2. Перегрузка государства: новая республика или «цифровой авторитаризм»?

Ключевая проблема незавершенной украинской социальной революции 1991-2019 – ловушка ре-эволюционной петли, которая уже трижды «схлопывала» гражданский бунт.

Демократический протест и активное рабочее движение 1993-1994 гг, «Помаранчевая революция» 2004 и «Революция Достоинства» 2013-2014 гг заканчивались сменой состава корпоратократии, иногда – радикальными переменами в составе правящих и пострадавших альянсов ведущих финансово-промышленных групп, **но в последующим – с неизбежностью завершались консервацией режима, и контр-революционной политикой в отношении восставшего общества.**

И тем не менее, революционные всплески и ре-эволюционные петли, несмотря на разочарования и пост-революционные экономические бедствия и военные потрясения (2014-2019), становились и своеобразным катализатором реальных, эволюционных сдвигов. Укрепление институтов гражданского общества и свободы слова, устойчивый плюрализм, прорывы в сфере самоорганизации и самоуправления – все же ощутимые отличия современного украинского общества от большинства других пост-коммунистических государств бСССР.

Но незавершенность, «купирование» преобразований, бесконечный дизайн «совка» под «украинский НЭП» привели к распаду социального капитала, разрушению общего культурного пространства, а в итоге:

- к дисперсии национальной идентичности,
- фрагментации национального экономического и территориального пространства,
- де-индустриализации экономики и инфраструктуры жизни,
- конфликтному территориальному распаду и криминально-теневому управлению административными областями, городами и ОТГ «по горизонтали»,
- все более ощутимому разрыву между массовой архаизацией и фрагментарным пост-индустриализмом.

Все это создает уникальный феномен контрастной многоукладности по-украински, где IT-утопизм соседствует с провинциальным «новым средневековьем».

Символом этого феномена стала технократическая утопичная идея нового Президента В.Зеленского – «государство в мобильном телефоне».

Собственно, такая идея – дитя своего времени, где убудочная реальность с коррумпированной корпоратократией, управляющей активами страны и национальными программами, с войной и военным «бизнесом на крови», со средневековой социальной несправедливостью – могут просто «спрятаться» за экраном телевизора или гаджета.

Кажущаяся путаница с государством и отдельными государственными опциями (услуги, коммуникация с гражданами, инструменты «электронной демократии») на самом деле представляет собой новую идеологию корпоративного государства, в рамках которой вся

государственная машина управления (бюрократия, законодательно-нормативная монополия), **господства** (налоговая система, таможня, контролирующие органы, экономические активы государства, лояльная медиакратия) и **подавления** (спецслужбы, военная организация, правоохранители, судебная ветвь) может быть упрятана за цифровой магией отдельных функций.

«Цифровое государство» - политический либеральный миф эпохи информационного общества, позволяющий фетишизировать и придать внешний легитимный лоск РЕАЛЬНОМУ частному распоряжению ресурсами, активами, общенациональным доходом (бюджет, госактивы) и даже обеспечить выгодный «дизайн» персональному составу власти. Медиакратия как составная часть корпоратократической элиты прекрасно справляется с задачей продвижения целых групп менеджеров под коллективными брендами и раскрученными медиагероями («Зе-команда», «партия Смешко», партия Вакарчука «Голос» - лишь наиболее яркие примеры).

Карнавализация политической жизни в Украине, наблюдающаяся, по нарастающей, в последние полтора десятилетия, достигла своего апогея в ходе выборных кампаний 2019 года. **Маски победили своих хозяев, как в старой сказке «Лампа Аладдина», где лампа стала хозяином джинна.** Феноменальный, по украинским меркам, рейтинг партии «Слуга народа» - самый убедительный тому пример. Но примерно также теперь трансформируются и остальные коллективные бренды, где **сама политическая маска-знак нивелирует, превращает в анонимов практически любого участника карнавала.** Возможно, фамилии в списках этих коллективных политических масок и будут вызывать вопросы или удивление, но – не более того. **Если правило маски принято, то и ФИО участника воспринимается как естественное право сыграть эту роль и предстать в этом имидже.**

Здесь также важно отметить: **карнавальность украинской политики и героизация политических лидеров-брендов не только не усиливает персонификацию, а производит ровно обратный эффект – де-персонифицирует состав власти, делает его брендо-командным.** «Зеленский и его команда», «Тимошенко и ее команда» - такие коллективные мифо-фетиши делают некритичным, неважным, несущественным РЕАЛЬНЫЙ состав тех, кто получает мандат народного депутата, пост министра или руководителя госпредприятия. Все эти «члены команд» воспринимаются как органическая часть коллективной карнавальной маски одного главного героя.

Корпоратократическое государство, против которого трижды восставали украинцы, и которое подвергнуто мощному «электоральному» удару на президентских выборах 2019 года, стремится спрятаться за ширму «электронной демократии». **Не изменяясь по сути - в собственности, политических институтах, социальной инфраструктуре жизни, то есть - в том, в чем и должна проявляться и реализовываться социальная революция как способ установления НОВОГО социального порядка.**

«Третий тур» завершится после парламентских выборов и воплотится в новой правящей коалиции и ее правительстве.

Но уже сейчас очевидными стали и новые социо-психологические последствия карнавализации политического процесса: **не только Зеленский – «несистемный», но и общество ведет себя по новым правилам, правилам карнавала и ир-рациональных мотивов, новых массовых настроений политически-потребительской новизны.**

И это – важнейшее условие реального укрепления нового режима и срыва всех планов возможного осеннего реваншистского блиц-крига недовольных и поверженных.

Общественные настроения «ВСЕХ долой до основания, а затем...» все больше напоминают массовый коллективный психоз, схожий с известной болезнью потребительского общества – «шопоголизмом», только на политический лад – «смено- и выбо-ро-голизмом».

Витающее в воздухе общественное стремление «всех поменять» отражается в динамичном падении доверия к т.н. «старым политикам», проснувшейся всеядности к новым именам и телегероям, сумбуре в старых партийных рядах, куда в срочном порядке рекрутируются все, кто еще не примелькался на телеэкранах и в социальных сетях, и хоть как-то соответствует новому запросу на «новизну».

Но «новизна» приобретает и новую историческую и смысловую коннотацию: «новые» - это «честные», «справедливые», способные создать государство БЕЗ коррупции, БЕЗ монополий, БЕЗ олигархата (корпоратократии).

Судьба многих еще недавно «новых» имен в политике, которые ворвались в парламент и правительство прямо с баррикад Майдана, свидетельствует: независимо от возраста и личного бэкграунда, всякий новый персонаж превращается в анти-героя, как только зарисовывается в одиозных политпроектах или «сливается» с властью.

Кто сейчас вспомнит списки «новых» из «Батькивщины», «Самопомощи», «Народного фронта» и БПП? Все они «постарели» за считанные годы и сессии парламента. От обратного, никакой имиджевый апгрейд не поможет старым лидерам и брендам увеличить доверие, если не будут представлены **НОВЫЕ** политические идеи и **НОВЫЕ** политические практики.

И еще один существенный аспект будущего выбора. Даже сиюминутный успех задорных идей о свободах, творчестве, новом патриотизме и гражданском самосознании обречены, если они не подкрепятся **РЕАЛЬНЫМИ** социально-демократическими шагами будущей власти после выборов.

Причина - в обществе, которое погружено в миф и карнавальные одежды, все равно подспудно бурлит социально-демократическая «повестка»:

- *возмездие за войну и воровство,*
- *социальная справедливость и снижение уровня эксплуатации, умеренный патернализм и дирижизм,*
- *социальная ответственность и солидарное распоряжение национальными ресурсами,*
- *культурная толерантность и «внутренний» национальный мир,*
- *самоуправление и общественный контроль за властью.*

Потому что в этом запросе – и кроется тайна удач и неудач «бесконечно длящейся» украинской революции, у которой были носители, вдохновители и жертвы, узурпаторы и контр-революционеры, но так и не состоялся, пока, «революционный менеджмент».

p.s. О войне и мире, «внешнем контуре» событий, реформах в «обществе, которое не знаем», – в следующем докладе.

«ПОСЛЕВЫБОРНАЯ ПАУЗА»: ОТ ПОЭЗИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА К ПРОЗЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

В точках перехода от одного социального состояния к другому проявляются фундаментальные черты общественной жизни, которые в периоды стабильности прочно сокрыты регулярными идеологиями её рутинных практик. Весьма длительный период ожидания инаугурации новоизбранного президента Украины стал именно такой точкой. В произошедших одних событиях и в отсутствии других событий проявился ряд существенных черт политической реальности и функционирования политического сознания граждан нашей страны, рассмотрение которых представляет интерес с позиции оценки ближайших перспектив жизни Украины.

1. В ожидании «поствыборных разочарований».

Спецификой политического сознания населения Украины в последние десятилетия стало то, что процессы его функционирования опираются на недоверие как базовое социальное отношение. Особо явственно это видно в сфере политики, в отношении к тем, кого принято заслуженно называть политической элитой. Именно эта элита - действительно зеркало, в которое смотрит общество и её невозможно сменить, не изменив всё остальное. **На основе базового недоверия сложился и функционирует легитимирующий сложившуюся за последние десятилетия политическую реальность социально-психологический «механизм разочарований».** Принцип его работы был в 2004 году выражен участниками «оранжевой революции» в формуле «мы стояли не за те». В рамках этой формулы поддерживающие власть или оппозицию граждане отрицают свою ответственность за реальные последствия своих действий, каждый раз мотивируя это тем, что их обманули пришедшие к власти политики. Так благость намерений и неполнота меры понимания происходящего гражданами страны становятся в их сознании формулой ответственности за собственные действия, за реально получаемые результаты. Участники периодических «великих свершений» никогда не берут на себя никакой ответственности за поддержку власти и такой же мерой требуют оценивать себя, очень негодуя, когда этого не происходит.

Базовое общественное недоверие позволяет легитимировать такой характер политического процесса, в котором политические обещания заведомо не предполагаются к выполнению, а часто выполняются с точностью до наоборот. **Принцип «обещал – не значит женился» постепенно прижился в политических практиках и воспринимается как норма.** Избиратели голосуют, заведомо исходя из того, что все «команды» приходят к власти под лозунгами решения проблем, которыми затем не занимаются, выдвигая при этом различные аргументы для реализации собственной движения в собственной повестке.

Своеобразным апогеем этой практики стало избрание Владимира Зеленского, который даже не давал никаких конкретных обещаний, описав в программе мечту о хорошем обществе. Более того, и в поствыборный период продолжалось его путешествие в мифическом пространстве – в публичной коммуникации присутствовали члены его команды, а он продолжал играть роль политического Мессии, оставаясь сокрытой фигурой сложившихся надежд и предстоящих разочарований.

Разумеется, такое поведение можно понимать как эффективную тактику, направленную на то, чтобы не дать возможности нанести себе политический вред до получения реальной возможности управлять государством. Результатом очередного разочарования может стать то,

что для населения Украины ничего сверхординарного с приходом нового президента не произойдет. **Страна останется в рамках того же курса на демонтаж остатков социального государства, ведь в обществе нет ни идеологии, ни групп, которые были бы способны этому воспрепятствовать. Идеология либертарианства, за непоследовательное воплощение которой упрекали Порошенко его сторонники, близка также и команде нового президента.**

Демократическое избрание публичной власти имеет свои ограничения и рамки. По факту небывало высокий процент голосов, отданных против действующей власти, может быть превращен новой командой в собственный манипулятивный инструмент деятельности, далекой от ожиданий избирателей. Случившаяся поддержка даёт новой команде и её партнерам возможность утверждать, что народ поддерживает все её инициативы, которые начали обретать определенность только к моменту инаугурации. Однако в то же время и различным категориям избирателей это дает моральное право утверждать, что действия нового президента не имеют отношения к их социальным запросам и политическим ожиданиям, аргументируя это тем, что фактически их голосование было направлено не столько на поддержку нового президента, сколько на отрицание политики П.Порошенко. Так может оказаться, что «поддержка всех» равна «поддержке никого», поэтому вопрос о формировании социальной базы своей политики – важнейший для В.Зеленского, если он намерен выполнять конструктивную роль в национальном проекте.

В массовом сознании установка на чудо меняется установкой на разочарование, но запрос на миф о народовластии остается, ему еще предстоит обрести политическое тело. Краткий по историческим меркам, но самый длительный за всю историю президентских выборов в стране период «междувластия», когда избранный новый президент еще не вошел в полномочия, а прежний еще имел полномочия, стал «точкой перезагрузки» концепции происходящего в стране. Такой концепцией была победа «народного президента» над олигархом, в результате чего должна была произойти чудесная смена декораций общественной жизни. На пике избирательной кампании ожидалось немедленное прекращение вооруженного конфликта в Донбассе, быстрая смена политической элиты и курса социальных изменений, быстрое улучшение уровня жизни народа в ближайшее время. Этот концепт был легитимирующим для голосования различных категорий избирателей за В.Зеленского, в его рамках оправданным был выбор «кто угодно, лишь бы не Порошенко». **В период «междущарствия», избирателям уже предложены аргументы для принятия новой «формулы разочарования».**

От пришедшей во власть команды прозвучали сигналы о том, что пора выходить из игры в очарование действующим в мире желаний «народным президентом, учителем Голобородько» и принимать действующего в имеющихся реалиях президента Украины шоумена и предпринимателя Владимира Александровича Зеленского. **От поэтики избирательной кампании к прозе жизни предстоит сделать весьма болезненный шаг и то, куда именно будет сделан этот шаг, может стать большим сюрпризом для многих.**

До последнего, избиратели хотят верить в то, что приход к власти нового президента это именно их социальная победа и поражение того политического класса, под руководством которого народ Украины поставлен в бедственное положение. В «точке перехода» сторонники «ЗЕ» хотят верить, что многое из услышанного прежде о положении в стране – лишь обычная политическая риторика, пропаганда, а в действительности всё обстоит гораздо лучшим образом и приход новой команды «откроет амбары народного счастья».

В послевыборный период состоялся ряд событий, меняющих умонастроение масс, толкающих к тому, что пора принимать реальность, где всё будет по-прежнему. Владимир Зеленский никак не отреагировал на ряд значимых для его избирателя событий – оставил без реакции принятие языкового закона, годовщину трагедии в Одессе, повторил символическое фото П.Порошенко на тему примирения ветеранов СА и ОУН. Избранный президент и его команда подают сигналы о том, что конфликт с Россией продолжится, либеральный курс реформ останется прежним, отношения с международными организациями, соседними странами и международная политика в целом также не изменятся. Стало ясно, что команда Порошенко и он сам останутся в политике, а новая политическая команда будет продолжать либеральные реформы, исходя из собственных представлений и интересов.

Избирателям вновь предложат смириться, терпеть «болезненные реформы», принять экономические и политические реалии, сложившиеся в последние пять лет как неизбежную реальность общественной жизни Украины. Иными словами, в послевыборной паузе у избирателей возникло опасение, что прежняя мыльная опера о «незавершенности реформ» дополнится новыми сериями.

Но как поведет себя в этой ситуации «очарованное население» еще не ясно, массовые настроения ориентированы не на слова, а на действия. Существует кредит доверия – и он очень короткий. То, что было уместным в процессе выборов, становится неуместным после них – от новой власти ждут не новых слов, а новых дел. Первым таким делом стало решение о роспуске Верховной Рады и внеочередных выборах, требование отставки правительства и других высокопоставленных чиновников.

Социологические исследования показывают, что повестка ожиданий населения страны явно расходится с сигналами о намерениях, полученными от команды В.Зеленского в послевыборный период. Сохраняется массовый запрос на немедленные достижения мира путем переговоров, на улучшение отношений с Россией, на скорейшее снижение тарифов, а также на смену и привлечение к ответственности прежней политической элиты. **Сработает ли в предстоящем периоде легитимирующий «механизм разочарований» - вопрос открытый и зависит от множества факторов.** Очередное разочарование может привести к социальным последствиям качественно иного, чем прежде, характера. Наряду с меняющимися внешнеполитическими и внешнеэкономическими условиями функционирования политического режима, существенным станет то, какую идеологию оппозиции поддержит население страны. Объявленный идеологом команды В.Зеленского курс на идеологию либертариизма вряд ли выглядит как наиболее предпочтительный для большинства жителей Украины.

Выборы, в результате которых победил «несистемный» кандидат Владимир Зеленский, обнажили образовавшуюся пропасть между представлениями о власти у самого властвующего класса и у различных групп народа Украины. Пришедшая команда – плоть от плоти политического класса, «новым людям» в котором взяться просто неоткуда. Эта команда может либо встроиться в существующие практики либо мутировать – став действительно новыми политиками и агентами изменений. Легитимирующая прежнюю команду риторика воинственного строительства этнической государственности, в которую поверил правящий класс, оказалась не действенной. Для многих шоком стало даже то, что сама победа оказалась возможной - настолько они уверовали в силу пропагандистской машины власти. Собственно этот шок и сделал возможной паузу в динамике общественных настроений, продлившуюся вплоть до инаугурации. **Выборы открыли перспективу перехода к новой перспективе**

структурирования политической жизни, которая еще не имеет институциональных оснований в практиках политической жизни Украины.

Сторонники олицетворявшейся фигурой П.Порошенко формы политического властвования были убеждены в необратимости изменений общественного сознания, связанных с войной и выраженных формулой «армия язык вера». Они до последнего момента свято верили в свою монополию и в устойчивость созданной в процессе разворачивания вооруженного конфликта на Донбассе политической реальности, делавшей неизбежной победы на выборах своего кандидата как главнокомандующего. Действуя по принципу «цель оправдывает средства», они были готовы к применению любого насилия, оправданного риторикой войны и необходимостью спасения нации. И в поствыборный период эти установки сохраняются, становясь основой настроений для реванша в предстоящей парламентской кампании. Но это не отменяет того факта, что они оказались в катастрофическом меньшинстве и политическое будущее «партии войны» не вполне безоблачно. Если, разумеется, демократические процедуры даже в их сегодняшнем виде будут сохраняться в политических практиках.

Голосовавшие за В.Зеленского не были до последнего уверены в его победе, ожидая до последнего момента действия Порошенко если не по срыву выборов, то по невозможности установить их результаты, предполагая вероятность применения властью самых жестких мер противодействия. Многие избиратели, голосовавшие за нового президента, внутренне были готовы принять своё поражение и теперь не совсем понимают, как распорядиться победой. **В поствыборный период эти настроения сохраняются, формируя ожидания неудачи и тем самым становясь основой нового разочарования, оправдывающего характер выбора кандидата.**

2. Поствыборная игра в неопределенность ожиданий и намерений новой власти.

Политический класс и политическое сознание общества в результате шока выборов и наступившей паузы оказались деструктурированы. Возник разрыв между публичной и непубличной сферами властвования, в котором сложно ориентироваться на прежних основаниях. После бурной и драматической избирательной кампании, сопровождавшейся взаимным неприятием сторон, общественные настроения внешне застыли в неопределённости, сменившейся открытым конфликтом без общей повестки. Прежней программе деятельности политического класса было отказано в доверии, а новая оказалась не ясна. Победил новый президент, а прежний продолжал действовать как ни в чем не бывало, доказывая неизбежность реализации его программы политической деятельности. Парламент также не поддерживает первые инициативы, возникла политическая фронда, втягивающая В.Зеленского в свою повестку, что дискредитирует его в глазах поддержавших перемены избирателей.

Выборы закончились, вроде бы всё уже изменилось, воля народа выражена, но ничего и не изменилось – процесс политического противостояния вышел на новый уровень. В период «междущарствия» властью всё так же распоряжаются те же люди, принимая те же решения. Война продолжается, агрессивная риторика также, принят вопиющий закон о языке, П.Порошенко раздаёт своей команде награды и звания, назначает на должности, сформированный им парламент укрепляет свои позиции и действует в собственной повестке. Стали возникать сомнения – а будут ли коренные перемены? Возникает ощущение реального двоевластия или игру в такое двоевластие.

Всё это интерпретируется как аргумент, ограничивающий возможности В.Зеленского выполнить свою миссию радикального обновления страны. **Формируется образ «слабого президента», вынужденно действующего по обстоятельствам, создаваемых сильным парламентом.** В затянувшейся послевыборной паузе В.Зеленский персонально по-прежнему был не в политическом процессе, рискуя оказаться без власти, а власть осуществлялась без него. В стране разворачивается классический конституционный кризис – ветви власти не в состоянии действовать, не вступая в противоречия между собой. **Поствыборная пауза проявила, что за предшествующий период в стране, наряду с публичной властью, создана теневая структура власти, не ориентированная на результаты выражения мнений избирателей в ходе выборов.** В массовых умонастроениях эта реальность отражается как позитивно, так и негативно, что само по себе становится основанием нового видения ситуации в целом.

Характерной чертой этого видения выступает то, что оно происходит на основе мифологизированного образа Украины и медиа-сферы, ориентированной на миф как форму восприятия общественных процессов. **В процедурах массовой коммуникации относительно рациональный образ политической жизни как «строительной площадки национального возрождения» был заменен образом «театра драматической борьбы стихий Добра и Зла».** Медийный образ и статус деятельного участника политического действия граждан сменён на их образ захваченного роковыми обстоятельствами статус пассивного зрителя. Именно против этой своей роли протестовали граждане в ходе голосования, они хотят сами определять свою судьбу. (Но это и составляет опасность возникновения новой «игры в определение своей судьбы».) Еще предстоит отойти от ситуации, в которой акторы политического взаимодействия обрели статус эпических героев, действующих по воле роковых сил и в рамках роковых же обстоятельств. В.Зеленский действовал целиком в рамках этого мифа и пока принадлежит ему. Не удивителен успех политической кампании, продуцировавшей образ президента непосредственно в координатах общественного мифа о «народном герое». Действовавшие прежде рациональные концепты восприятия социальных процессов (в частности, идеологема «демократического транзита») в предыдущем пятилетии сменились рядом мифопоэтических образов происходящего в целом и всех его участников в отдельности.

В рамках этих образов сформировался ряд форм массовой идентичности, на основе которых происходит и выработка форм политического поведения масс. На этой основе вырабатываются социальные связи и процессы группового сплочения, возникают ситуативные квазисоциальные общности со своей виртуальной идеологией и формами политического поведения. Политические практики постмодерна (или архаизированного модерна) явили себя в полной мере.

3. Эпифеномены массовых идентичностей: «украинский политический квадрат».

Содержательной стороной общественных трансформаций современности выступает снижение интеракционных издержек глобального производства и возникновение условия для строительства на этой основе новых институтов организации общественной жизни. Этот процесс весьма драматичен, связан с изменением мироустройства и миропорядка, изменением и перемещением «глобального ядра», образованием новых периферий и полупериферий. Это вызвало поиски новых идентичностей и соответствующих им общественных идеологий – в том числе политических.

На предыдущем этапе в течение десятилетий происходило разрушение основ прежней системы миропорядка. Направленность нынешнего, постсовременного этапа исторической трансформации социума - к возникновению новой устойчивости, образованной соответствующими новыми уровнями организации социальных сред. Первый из них - структурированный, состоящий из «новых классов» национального и субнационального уровня. Второй - неструктурированный, представляющий собой сферу маргинализации субнационального и транснационального уровней. В отличие от ориентированных на жесткие индустриальные комплексы тоталитарных политических систем прошлого, здесь доминирует ориентация на гибкие глобализированные производственные среды. В эти среды возможно входить и выходить на персональном уровне (индивидуализированное общество), менять своё положение в них на основе индивидуальной активности. Существование в такой среде предполагает образование в течение всей жизни, свободу рабочей силы от национального государства, снижение трансакционных издержек за счет гегемонии культуры глобальности (формирование культурных кодов универсального абстрактного характера в искусстве и идеологии). На национальном уровне это предполагает наличие «слабых идеологий», не способных становиться доминирующими, достигающими практических целей по контролю политического и экономического поведения населения. На транснациональном уровне это предполагает наличие «культурных проектов» в виде комплексов производства массового сознания средствами чувственно-образного воздействия, формирования фреймов и платформ.

Динамика трансформаций Украины как общества, несмотря на всю внешнюю карнавальность, вполне соответствует этим трендам. В ходе событий последнего времени происходит процесс выработки элементов нового социально-классового разделения общества, которое будет соответствовать новой структуре производства, возникающей в процессе глобальной трансформации миропорядка и мироустройства. В процесс этих перемен Украина как общество включена и эта включенность значительно влияет на массовое сознание. Возникают и оформляются новые общности, которые, несмотря на всю мифичность содержания их сознания, описываются наиболее адекватно в категориях социально-группового анализа. С этой точки зрения можно видеть, как формируются новые глобальные и локальные группы, а также маргинальные среды со своими особыми идеологическими конструктами. Исторически завершается период доминантной маргинализации - но это лишь начало пути к институционализации новой структуры общества. Процесс имеет открытую, глобальную природу и характер, поэтому невозможно описать его пользуясь принятой в Украине политико-экономической (административной) метафорой страны как изолированной самодостаточной социальной системы, как существующего вне общемировых процессов, самобытного «глобуса Украины». Значительная часть населения включена непосредственно в процессы глобализированного воспроизводства капитала и рабочей силы, структура которого как раз и структурируется в направлении формирования новой устойчивости. Значительная часть населения исключена из этих процессов, тем не менее, находясь в непосредственной зависимости от них. Эти формы включенности с необходимостью порождают формы и способы её осознания. Процесс нового структурирования сопровождается изменениями социального и политического сознания масс - возникают новые феномены, связанные с мобилизацией и маргинализацией, с различными перспективами новых групп и слоёв в становящейся структуре нового миропорядка. На национальном уровне это приводит к возникновению феноменов и эпифеноменов массового сознания.

Феноменом завершившегося демократического транзита стала безраздельная гегемония неолиберального дискурса в массовом сознании народа Украины. Концептуальные средства осознания собственных социальных интересов населением маргинализированы - в дискурсе массовой коммуникации доминирует описание политического взаимодействия граждан с властью как процесса реализации не их социальных интересов, а их культурных идентичностей. Это позволяет безраздельно реализовывать интересы господствующих олигархических и транснациональных групп.

В рамках такого феномена возникли эпифеномены социального сознания – не имеющие принципиального значения формы самосознания, удерживающие иллюзию наличия перспективы изменений реального положения масс в рамках сложившейся неолиберальной модели корпоративного государства. Среди эпифеноменов можно выделить квазиидеологии и ориентированные на них социальные среды, состоящие из чувствительных к ним социальных типов объединенных в группы. Эпифеноменом возникающего массового сознания выступают произведенные в рамках различных мифопоэтических картин формы социально-политического самосознания масс, представляющие собой типы субидентичностей.

По типу базовых представлений о политической реальности можно выделить следующие типы таких субидентичностей: «неоэтноукраинисты», «рагулисты», «укрописты», «советисты». Каждый из них чувствителен к различным идеологическим конструктам и политикам различного типа, живет в различного рода событиях.

Неоэтноукраинисты воспринимают страну как совокупность этнических групп, среди которых украинской этнической общности принадлежит определяющая роль в установлении общественного такого порядка, при котором властвуют представители украинской этнической нации как коренной и государствообразующей. Единственная функция государственной власти и граждан страны состоит в служении интересам этого властвования. Армия, язык и вера в этой картине выполняют роль базового фундамента социальных связей, а война понимается как живительная основа их укрепления и становления нации. Команда П.Порошенко в завершающей фазе его каденции освоила этот образ и вытеснила традиционных его носителей в маргинальную позицию, сделав тем самым из них своих политических противников. Поскольку текущую ситуацию носители этой идентичности воспринимают как длящуюся исторически войну за независимость от России, с этой точки зрения единственной функцией государства и политической сферы в целом должна стать военная мобилизация населения и всех ресурсов страны, обеспеченная внешней поддержкой. Для носителей этой субидентичности основным противником выступают «советисты», в то время, как «рагулисты» выглядят как потенциальный союзник, а «укрописты» – как попутчик и потенциальный противник. «Неоэтноукраинисты» интерпретируют «советистов» как онтологических, исторических врагов («пятую колонну»), несовместимых с самим существованием «коренной нации», «рагулистов» же воспринимают как несознательных сторонников, а «укропистов» как временных попутчиков и потенциальных врагов.

«Советисты» воспринимают страну как находящуюся в длительном кризисе и упадке общественную систему, призванную обеспечивать удовлетворение жизненных потребностей населения. Текущую ситуацию носители этой идентичности воспринимают как результат захвата процессов управления обществом внешними силами, которые сформировали свою колониальную администрацию, действующую исключительно в интересах враждебных народу этих внешних сил. Основным противником носителям этой субидентичности видятся

«неоэтноукраинисты», «рагулисты» воспринимаются как чуждые, а «укрописты» – как предатели, действующие сообща с враждебными силами. «Советисты» интерпретируют «неоэтноукраинистов» как поддавшихся внешней манипуляции, «рагулистов» же – как заикленных исключительно на приземленных узкокорыстных интересах людей.

«Рагулисты» - воспринимают общественную жизнь исключительно как ресурс возможностей для реализации собственных потребностей в обустройстве персонального жизненного мира, понимаемого в их собственной интерпретации. Они индивидуалистичны, предельно прагматичны и амбивалентны к идеологии, а потому приемлют любой способ политической жизни, предлагаемый действующей властью, пока она устойчива. В условиях деиндустриализации и гегемонии традиционализма в культуре этот тип субидентичности получил значительное распространение в новых социальных средах, став весомым фактором политического поведения масс. «Рагулисты» поддерживают политические начинания, не озадачиваясь их макросоциальными последствиями, если те сулят им доступ к ресурсам персонального обустройства в горизонтах их жизненного мира, связанного с общинными и семейно-родственными общностями. Исходя из господствующей идеологии, наиболее близкими для себя они считают ту субидентичность, которая в данное время доминирует в общественной жизни. В предшествующем периоде это были «неоэтноукраинисты».

«Укрописты» воспринимают страну как самобытную социальную и гражданскую общность, обладающую значительным потенциалом развития, который сдерживается внешними силами исходя из их интереса недопущения появления конкурентной страны. Это фактические сторонники пост-советского образа страны, произведенного в период президентства Леонида Кучмы – образа во всех отношениях развитой неолиберальной «Украины-не-России». Носители этой субидентичности воспринимают «неоэтноукраинистов» и «рагулистов» как вынужденных попутчиков и соратников, которые ориентированы на требующую обновления систему гуманитарных ценностей. В глазах носителей этой субидентичности гуманитарные ценности не имеют никакого самостоятельного значения, они имеют прикладное значение в вопросах государственного строительства. «Советисты» воспринимаются с этой точки зрения как носители устаревшей и неэффективной а потому вредной системы ценностей, присущих предыдущему поколению, которое должно просто уйти из политической жизни, поскольку поддается влиянию внешних злокозненных сил. «Рагулисты» воспринимаются здесь как полезные попутчики, не имеющие самостоятельного значения.

Публичные политики и политические силы в коммуникативных практиках ориентируются на эти типы субидентичностей, уходя от постановки проблематики, связанной с изменением характера общественной жизни. Так, на неоэтноукраинистов ориентированы политики «галицкого проекта» - Порошенко, Парубий и им подобные. На «рагулистов» ориентированы такие политики, как Ляшко, Садовой. На «укропистов» – Зеленский, Смешко. Субидентичность «советистов» активно используют для своих проектов Рабинович, Медведчук, Мураев. При этом есть политические проекты, ориентированные на несколько субидентичностей – таковы, например, Тимошенко и Бойко. Тимошенко ориентирована на «укропистов» и «рагулистов», Бойко – на «советистов» и «укропистов».

Отношения между этими эпифеноменами политического самосознания масс образуют «украинский политический квадрат», в рамках которого вырабатываются политические идентичности и представления о политических процессах, лежащие в основе реального

поведения. Разумеется, это своеобразные идеальные типы, к которым апеллируют политические проекты, их носители не существующие «в чистом виде».

«Неоэтноукраинисты» и «советисты» ориентированы на этатистские идеалы, основанием общественной организации в их представлении должны быть интересы больших социальных групп, отношения между которыми регулируются на институциональных основаниях государством. «Рагулисты» и «укрописты» склонны к анархосиндикализму, видя основания общественного порядка в активности малых групп и создании условия для приоритета межперсональных взаимодействий над институциональными. «Неоэтноукраинисты» и «советисты» идеологически детерминированы, а «рагулисты» и «укрописты» являются их производными, поскольку для них идеологические ценности находятся не в центре политического сознания.

Внутри «политического квадрата» возникают новые эпифеномены отзеркаливания этих позиций друг в друге: в целом сформировалось герметическое политическое дискурсивное пространство, идеологическое зазеркалье. Квадрату соответствуют различные видения прошлого-настоящего-будущего, которые развернуты в идеологических программах, сопровождающих их гуманитарных политиках в сфере культуры, образования, науки. Эти эпифеномены - картинки на стенах «лабиринта Минотавра», в котором бродит народ на очередных выборах, они все ориентированы друг на друга и не представляют собой мотивирующую основу для реального выхода из сложившейся общественной ситуации.

Проблема обновления украинского политикума связана с выходом за пределы этого квадрата. Его содержательной альтернативой может стать повестка, задающая социальные идентичности в категориях не межэтнического или административно-кланового или территориального, но уже социального конфликта. Это повестка социальной справедливости как основы общественной организации в противовес рыночной эффективности. Основания «бесклассового» общества «новой социально-исторической общности – советского народа» за четверть века рыночных реформ стараниями позднесоветской административной бюрократии были демонтированы. Однако в общественном сознании сам формат восприятия общества, социальный образ «единого народа» сохранился. По факту трансформаций из прежнего общества возникло новое, недо-классовое общество, где в условиях приватизации государства новые социальные группы имеют черты сословных групп. Вместе с тем соответствующая этому сфера массовой идеологии еще не сформирована – существует прежнее представление о «единстве интересов народа», по факту уже разбитого на группы с различными (порой до противоположности) социальными интересами. Язык этой новой идеологии пока не выработан и не принят в процессах массовой коммуникации – новое общество стремится описать себя прежними понятиями и категориями, в сфере публичного общения используются термины из прошлого, ставшие симулякрами. Но события избирательной кампании показали, что эти прежние симулякры утратили свою действенность.

Для позитивного выхода из исторически сложившейся ситуации страна нуждается в обновлении политического пространства, в избавлении от эпифеноменов. **Для конструктивных изменений политического пространства от мифемы «возрождения этнической нации» необходимо выйти в новый дискурс гуманизма, соответствующего ему рационального хозяйствования и социального прогрессивизма. Без этого углубляется уже открывшаяся иная перспектива трансформации - проваливание к архаичным практикам прямого насилия как средства регуляции отношений в обществе.**

Это задача не простая и она стоит не только перед Украиной – поскольку трансформация имеет глобальный характер, этот процесс имеет минимум континентальный масштаб, необходимо новое континентальное мышление. В этом состоит исторический смысл и содержательная сторона альтернатив борьбы за формирование политического самосознания масс в процессе обновления жизни страны. Покончив с фантазмами сложившихся эпифеноменов, различные группы смогут вступить в новый диалог по поводу согласования их реальных социальных интересов, в результате чего будет в принципе возможна выработка «общественного договора» и восстановления легитимной сферы политико-правового общения.

Выборы нового президента не разрешили имеющихся общественных противоречий, хотя и стали шагом к этому. В Украине исторически сложились ряд центров непубличной власти, приватизировавшие в результате манипуляций судебную, исполнительную и законодательную власти. Послевыборная пауза, скрытое маневрирование, последовавшее за этим открытая непримиримость сторон это ярко проявили. Идеологема либертарианства лишь скрывает противоречия между интересами этих центров. Ресурсы как публичной, так и непубличной власти уменьшаются, поэтому конфликт нарастает. Этой ситуацией умело пользуются извне различные силы в своих интересах - и не только одной из стран, поэтому поле конфликтности шире, чем исключительно украинский политикум. В этой глобализированности коренится объективная неспособность действующих субъектов, сторон конфликта «просто сесть за стол и договориться». **Поэтому на нынешнем этапе событий фактически речь идет не о стабилизации, не о достижении консенсуса, а о том, чтобы одна из сторон получила всю полноту власти. Это формирует перспективу не разрешения противоречий, но повышения уровня конфликтности также в ходе предстоящей парламентской кампании.** Такое положение может быть чревато дальнейшим углублением кризиса власти как общественного института, при этом внешние её источники могут укрепиться на фоне ослабления национального её уровня. Горизонт политических возможностей достаточно узок. Проблема сложившейся ситуации в том, что участники ориентированы на внешний источник власти, а этого как раз и нет. Однако формы конфликтности могут быть разными в зависимости от субъективных качеств их участников. Искусство политики состоит в управлении конфликтами наиболее приемлемым способом.

Подобно войне, искусство также можно определить как продолжение политики другими средствами. Оно меняет реальность, создавая новые её образы, воспринимая которые по-новому действуют массы. Получившая власть команда проявила себя освоившей методы возможного искусства успешной избирательной кампании. Но политика – это искусство возможного в сфере реальной общественной жизни и то, возможное какого рода она сумеет реализовать, будет ясно уже в самой ближайшей перспективе.

КОНЕЦ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ: НОВОЕ КАЧЕСТВО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Президентские выборы 2019 года стали без преувеличения историческим событием, поскольку знаменовали окончание постсоветской эпохи и начало нового этапа развития украинского общества. К этому моменту общественно-политическое сознание украинцев приобрело новое качество и вышло за рамки привычных критериев, которые социологи долгие годы использовали для характеристики электоральных групп.

После обретения независимости Украина оказалась в зоне разнонаправленного геополитического притяжения «Восток-Запад». Часть населения ориентировалась на развитие отношений с Россией («братским народом»). Другие ратовали за сближение со странами Запада.

Речь шла не только о выборе внешнеполитического союзника. Дилемма «Восток-Запад» проистекала из различия ценностно-идеологических установок и предполагала принципиально **различные стратегии развития страны, разные пути модернизации.**

Исследования показывали, что прозападные внешнеполитические ориентации тесно коррелировали с либеральными ценностными установками. Сторонники сближения с Западом активно поддерживали развитие институтов рыночной экономики, демократии и гражданского общества. Кроме того, «западники» выступали за активную протекционистскую политику в отношении украинского языка. Русскоязычие рассматривалось как наследие имперской политики ассимиляции, как одна из предпосылок для колониального рецидива.

Сторонникам сближения с Россией часто были присущи реставрационные ожидания; многие из них поддерживали идею возрождения СССР (в той или иной форме), тех или иных элементов социалистической экономики. Они критично относились к частному предпринимательству, приватизации, многопартийной политической системе.

Поначалу идея «вестернизации» не предусматривала перспективу интеграции Украины в западное геополитическое пространство. Запад скорее служил идеальным образцом, к которому следовало стремиться, реформируя экономику и политическую систему. Однако к концу 90-х переход к рыночной экономике и электоральной демократии воспринимался населением как уже необратимый. **Для Украины актуальность приобрел поиск новых «постсоветских» моделей институционального развития и новых моделей отношений с другими странами в условиях растущей глобализации.**

Настоящим вызовом для Украины стало расширение НАТО и ЕС. В 2004 году в Евросоюз были приняты сразу несколько стран бывшего социалистического лагеря, в том числе – прибалтийские республики. Мечты либеральной интеллигенции о коренном переобустройстве страны по западным образцам («вестернизации») **начинали обретать черты реальной перспективы, имеющей практическую схему реализации – через вступление в Евросоюз.** С 2007 г. Украина начала вести с Европейским союзом переговоры о соглашении об Ассоциации и создании Зоны свободной торговли (ЗСТ).

Параллельно оформлялась **институциональная альтернатива евроинтеграции – Таможенный союз (ТС) под эгидой России.** Первый договор о создании ТС руководители Казахстана, России, Белоруссии подписали в 1995 году, а в январе 2010 года на территории указанных стран начало действовать единое таможенное пространство. После того, как в феврале

того же года Президентом избрали В.Януковича, в украинских СМИ началась дискуссия о преимуществах западного и восточного вектора интеграции.

Драматические события 2014 года разрушили привычную картину мира, устоявшиеся политические ориентации, разрушили стереотипные представления о путях развития страны. Первое время (примерно до 2016 года) украинцы ещё ожидали, что жизнь вернется в прежнее русло, в привычную систему представлений. Однако этого не случилось. Мир необратимо изменился, и люди начали определяться в своём отношении к новым реалиям.

Аннексия Крыма и интервенция на Донбассе разрушила миф о России как «братском народе» Украины. В сознании подавляющего большинства украинских граждан политическое руководство России («Кремль») стало восприниматься как «агрессор», как «враг», отказывающийся признавать суверенную Украину, уважать её достоинство. Даже последовательные симпатки России с горечью говорили о том, что «Путин ударил нам, русскоязычным в спину».

Война дезавуировала привлекательность России и как культурно-цивилизационного центра, как центра политического и экономического притяжения. Понятие «русский мир» приобрело в общественном сознании устойчивую негативную коннотацию. Были подорваны позитивные установки по поводу вступления Украины в Таможенный Союз, интеграции с Россией в единое геополитическое объединение. Если ранее, перспектива вступления в ТС успешно конкурировала с идеей евроинтеграции, то сегодня только 13% опрошенных граждан поддерживают идею вступления Украины в Таможенный Союз (КМИС, март 2019 г.).

Аннексия Крыма и война на Донбассе окончательно развеяла реставрационные ожидания – надежды на возрождение СССР в той или иной форме. Вначале «Русская весна» породила у некоторых граждан иллюзии, что присоединение к России открывает перспективу модернизации для аннексированных территорий. Однако, со временем, оказалось, что Крыму отводится роль «непотопляемого авианосца», что Россия не намерена развивать его экономический и рекреационный потенциал, что интересы местных громад открыто игнорируются. Деиндустриализация территорий «ДНР-ЛНР», а также деградация демократических институтов в «гангста-республиках» стали наглядным доказательством бесперспективности «Новороссии».

Полностью утратила доверие и ушла с политической арены Компартия Украины, которая олицетворяла в стране левые силы. Одновременно были скомпрометированы социалистические идеи, наследие УССР. Свою лепту в дискредитацию левой традиции в Украине внесла политика декоммунизации.

Война на Донбассе породила феномен «укропов» - огромной массы русскоязычных патриотов Украины, которые идентифицируют себя с независимой, суверенной Украиной, которые крайне негативно относятся к вмешательству РФ во внутренние дела украинского государства. Активная гражданская позиция «укропов», участие в добровольческом и волонтерском движении стали убедительным доказательством того, что носитель русского языка совершенно необязательно является поборником «русского мира».

Лидер новой генерации националистов Андрей Билецкий высказал мнение, что тема языка (языковой политики) не является сегодня актуальной для Украины, а украиноязычие не служит критерием патриотизма. Он отметил, что в составе «Азова» воевало очень много русскоязычных патриотов, которые «убивали и умирали за Украину».

Казалось бы, революция 2014 года, подписание Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, предоставление Украине безвизового режима со странами ЕС, а также агрессия со стороны РФ должны были стать основанием для всеобщей и безоговорочной поддержки курса евроатлантической интеграции. В 2014-2015 гг. социологи действительно зафиксировали всплеск положительных установок по поводу возможности вступления в Европейский Союз и НАТО.

Однако со временем эта **перспектива евроатлантической интеграции стала восприниматься как неопределенно отдаленная**, как в своё время воспринималась советскими людьми перспектива построения коммунистического общества. В принципе, положительно воспринимая идею членства в ЕС и НАТО, украинские граждане стали отделять эту перспективу, как не имеющую отношения к насущным повседневным проблемам.

Для многих украинских граждан достаточной глубиной евроинтеграции оказалась предоставление Украине безвизового режима в европейских странах, что открывало возможности для трудоустройства (в т.ч. – легального). Миллионы заробитчан реализовали собственную стратегию «евроинтеграции»: сегодня они работают или учатся в странах Европы, рассчитывая со временем остаться там жить навсегда. Сформировалась **значительная прослойка граждан, которых вполне устраивает «частичная», «ограниченная» евроинтеграция Украины, её превращение в провинцию Евросоюза, обеспечивающего ЕС трудовыми ресурсами.**

В тоже время, **на фоне усиливающегося евроскепсиса растёт число тех, кто считает, что Украине не следует интегрироваться ни в какие геополитические объединения.** Отвечая на вопрос, в каком интеграционном направлении следует двигаться Украине, 49% украинских граждан указали вступление в Евросоюз, 13%, - вступление в Таможенный Союз, а 27% - выступили за неприсоединение к указанным объединениям (КМИС, март 2019 г.).

Сегодня многие разделяют точку зрения, что Украине следует стать активным участником Евразийского экономического сотрудничества (сообщества), развивать отношения с Европой, Россией и азиатскими странами (прежде всего – Китаем), не отдавая изначального предпочтения кому-либо, а руководствуясь исключительно прагматическими (меркантильными) соображениями.

Свою привлекательность для украинских граждан утратил не только «русский мир». **На президентских выборах 2019 года поражение потерпела правоконсервативная идеологема «Геть від Москви!», предложенная Петром Порошенко. Эта идеологема (концепт национальной идеи), базировавшаяся на этнонационализме, атлантизме и клерикализме оказалась слишком «узкой» для большинства населения страны.** Не смотря на доминирующий негативизм в отношении политического руководства РФ, большинство украинских граждан положительно относится к России (КМИС, март 2019 г.).

Авторитарный стиль управления Порошенко породил конфликт национал-патриотов и либералов. У либерально-ориентированных граждан вызывали неприятие меры по ограничению свободы слова (в т.ч. – запрет российских сайтов), практика квотирования украиноязычного контента на телевидении и радио, глорификация лидеров национализма, вмешательства в дела церкви. Произошло принципиальное размежевание некогда единого национал-демократического течения на собственно националистов и либеральных демократов.

Левые взгляды, которые ранее выражались в прокоммунистических и антирыночных установках в ходе последних президентских выборов **массово проявились как антиэлитарные и эгалитаристские умонастроения, приобрели характер социал-либеральных**. Запрос на обеспечение гражданских прав и свобод, обеспечение социальной справедливости оказался более актуальным, нежели патерналистские ожидания. Даже такие опытные социал-популисты как Ю.Тимошенко и О.Ляшко оказались неготовыми к этим вызовам, а предложенные ими предвыборные стратегии – неадекватными ожиданиям избирателей.

Приходится констатировать, что **предстоящие парламентские выборы пройдут в условиях становления качественно нового общественно-политического сознания. Сегодня в украинском обществе как никогда ощущается спрос на «новые лица» и, что немаловажно – на новые идеи**. Вызовы времени диктуют свои правила партиям и их лидерам. Насколько это осознают будущие участники парламентской гонки?

На президентских выборах мы увидели кандидатов, которые апеллировали к наиболее острым, актуальным проблемам, к важным ценностям. Им казалось, что они ориентированы на запросы избирателя, что они говорят на языке избирателей, что они – «в тренде». Они были уверены в успехе, но всё равно показали неудовлетворительный результат.

Бурная политическая история превратила украинских граждан в искушенных и разборчивых потребителей на рынке политических услуг. Избиратели хотят видеть за политическими лидерами и брендами партий простые, понятные позиции, хотят однозначности и узнаваемости. И если политические субъекты не отвечают этим критериям, они теряются в толпе таких же безликих участников тусовки, лишенных шансов на признание и взаимность избирателей.

Для каждой партии встаёт задача найти свою собственную нишу в новом семантическом пространстве общественно-политического сознания. Манифест с чётким идеологическим позиционированием становится острой необходимостью для каждого участника парламентской кампании. Больше шансов на успех получают те, кто адекватно отреагирует на вызовы, чётко озвучит свои ценности и принципы, кто предельно понятно сформулирует свое видение перспективы для страны. Те, кто доходчиво и убедительно обоснует свою «инаковость».

Проведение внеочередных парламентских выборов в сжатые сроки приведет к огромному информационному прессингу на избирателей, потоку программных заявлений, когда «все будут обещать всё». **В этой ситуации принципиально важно выделиться среди участников избирательного процесса, причем выделиться содержательно**. Символическое обособление (дифференцирование) будет способствовать «заметности» и «узнаваемости», обеспечит конкурентное преимущество в рамках парламентской кампании. Иными словами, **«отличайся или погибни!»**.

ВНЕШНИЕ «ЯКОРЯ» НОВОГО ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОГО КУРСА УКРАИНЫ

Изменение политической элиты в Украине, после президентских выборов 2019 г., предусматривает некоторую корректировку внутреннего и внешнего курса страны грядущей властью. Это побуждает к определению существующих у власти возможностей, по влиянию на политэкономические процессы, с учетом сложившихся предпосылок и ограничений. Международная интеграция страны, вместе с преимуществами доступа к иностранным рынкам товаров, капитала и труда, имеет обратную сторону - в виде зависимости от внешних, по сути, объективных факторов. Такие факторы, по мере углубления взаимодействия, **выступают своеобразными «якорями» или ограничивающими определителями проведения различных внутренних и внешних политик.**

Среди основных «якорей» политэкономического управления Украины – те, которые обеспечивают ее относительную макроэкономическую стабильность и устойчивость. **Учитывая то, что ВВП примерно на 50% зависит от экспорта, а объем валового внешнего долга (по состоянию на конец 2018 г.) достиг 87,9% ВВП страны¹, очевидно, что Украина имеет достаточно сильную зависимость от внешних рынков товаров и капитала.** Кроме того, в Украине действует ряд подразделений ТНК и предприятий, представляющих внешний капитал, что также имеет влияние на государственную политику. Анализ особенностей внешних экономических связей Украины дает ключ к пониманию того, в каких пределах (в текущих условиях) может действовать власть на внешнем направлении.

Доступ к **внешним рынкам товаров** определяет направления экспорта/импорта продукции, произведенной/необходимой внутри страны. Именно тарифные и нетарифные ограничения считаются наиболее действенной формой экономического давления, как на государства, так и на отдельных производителей, поскольку могут спровоцировать существенные социальные потрясения внутри страны-экспортера/импортера. И именно поэтому, широкая рыночная диверсификация является желанной для производителей.

К концу 2018 г., на 15 стран-крупнейших импортеров украинской продукции, приходилось примерно 60% всего экспорта страны. При этом, на первом месте продолжает оставаться *РФ* (7,7%). Далее следуют Польша (6,9%), Италия (5,5%), Турция (5,0%), Германия (4,7%). **В целом в 2018 г., экспорт в страны Европы составлял примерно 38%, Азии - 31,4%, Африки - 9,3%, Америки - 3,4%, еще 9% в страны СНГ за исключением РФ, от общего объема экспорта². То есть блок стран Европы обеспечивает основные рынки сбыта товарам из Украины.** Что касается товарной структуры, то страны ЕС больше всего импортируют: драгоценные металлы (в первую очередь черные) - 22,0%, продукты растительного происхождения - 18,0%, машины и оборудование - 14,0%, минеральные продукты – 13,0% в общей структуре импорта³. **Европейские страны являются важными партнерами крупных производственных холдингов, таких как: «СКМ» (черный металл), «Интерпайп» (трубы), Ferrexpo (железные руды), Ukrlandfarming (зерновые и яйца) и др.,** а также и большого количества предприятий среднего и малого бизнеса. Среди 20 крупнейших украинских экспортеров, обеспечивающих

¹ <https://bank.gov.ua/doccatalog/document?id=36693528>

² <https://bank.gov.ua/doccatalog/document?id=19208314>

³ www.ukrstat.gov.ua

треть всего украинского экспорта, по меньшей мере 15 компаний работают на рынках европейских стран. В целом же, в экспорте в Европу преобладают сырьевые товары⁴.

Что касается поставок импортных товаров в Украину, то основными торговыми партнерами являются следующие страны (2018 г.): РФ - 14%, Китай - 13,3%, Германия - 10,5%, Беларусь - 6,6%, Польша - 6,3%. Импорт из стран Европы составлял 40%; Азии - 22,5%, Америки - 6,8%, Африки - 1,0% от общего объема импорта Украины⁵. **То есть, основу импорта составляют товары из Европы.** Европа больше всего экспортирует в Украину машины и оборудование - 22,1%, продукты химии - 17,3%, минеральные продукты - 14,0%. Важно отметить, что фактическая доля импорта из Европы все же несколько завышена (примерно на 10%), поскольку газ, который мы импортируем из европейского направления по реверсу - российского происхождения. Учитывая, что (по состоянию на конец 2018 г.) в структуре оптового товарооборота Украины на зарубежные продовольственные товары приходилось 22,8%, на непродовольственные 64,7%, **импорт из Европы в первую очередь покрывает потребительские непродовольственные потребности, также в нем преобладает оборудование и материалы для различных производственных процессов.** Страны Европы обеспечивают почти половину общего импорта продукции машиностроения для Украины.

Достаточно высокая степень интеграции Украины в европейские рынки, как в части экспорта, так и импорта, объясняется не только географической близостью высококапитализированных потребителей и производителей, но и функционированием режима зоны свободной торговли между нашей страной и ЕС. Этот режим, **который по сути своей, является политико-экономическим договором, убирает взаимные тарифные ограничения доступа к рынкам.**

Европейский блок стран является основным внешнеторговым партнером Украины. Это и мощный рынок украинской продукции, и крупнейший источник импорта в страну. **Значение присутствия украинских производителей на европейском рынке, является критическим для государства с позиции валютных поступлений в страну. Кроме того, для отдельных крупных производителей европейский рынок среди ключевых и важнейших.** При этом, создание ЗСТ между Украиной и ЕС, способствовало расширению счета торгового дефицита товарами по этому направлению, по причине большой доли импорта товаров с высокой добавленной стоимостью и длительным процессом приведения украинской продукции к европейским стандартам. **Очевидно, заключение соглашения о ЗСТ уменьшило возможности Украины относительно проведения сбалансированной торговой политики (хотя были получены и определенные преимущества от такого взаимодействия).**

Не меньшее влияние, на реализацию внешней и внутренней политики властью, осуществляет **долговая зависимость**, в частности, внешняя. Низкий уровень поступлений в государственный бюджет и слабое состояние платежного баланса страны понуждает правительство Украины к постоянному поиску источников внешних заимствований. По состоянию на конец 2018 г., государственный долг к ВВП страны составил 62,7%⁶. По мировым меркам - довольно умеренный показатель, вместе с тем, на выплаты по государственному внешнему долгу в 2019 г. будет потрачено около трети государственного бюджета, что является очень большой нагрузкой на систему государственных финансов. Рассмотрим более подробно структуру внешнего долга

⁴ <https://bank.gov.ua/doccatalog/document?id=69463442>

⁵ <https://bank.gov.ua/doccatalog/document?id=19208314>

⁶ <https://www.facebook.com/minfin.gov.ua/photos/a.152263058175763/2036588063076577/?type=3&theater>

Украины. Наибольший объем госдолга (по состоянию на 31.03.2019) приходится на облигации внешнего государственного займа (ОВГЗ) - это примерно 22,8 млрд.долл.США или 45,3% всего внешнего государственного долга; еще 14,6 млрд.долл.США или 29,5% приходится на долги перед международными финансовыми организациями, а также 1,73 млрд.долл.США (3,4%) правительство задолжало государственным институтам зарубежных стран (Канада, Россия, США, Франция, Япония) и 1,05 млрд.долл.США (2,08%) подлежит возврату иностранным финансовым учреждениям (Chase Manhattan Bank, Deutsche Bank и др.). Сюда же относятся гарантированный долг (в основном это обеспечение задолженности перед МВФ⁷), который составляет 10,2 млрд.долл.США или 20,2%.

Исходя из этого, крупнейшим источником формирования внешних государственных долгов Украины, является привлечение займов через размещение еврооблигаций, которое происходит, как правило, среди инвестиционных фондов и других финансовых учреждений Европы и США. Главными организаторами таких размещений часто выступают: BNP Paribas, Goldman Sachs, J.P. Morgan⁸. **То есть, основными держателями долговых инструментов Украины являются мощные и влиятельные финансовые институты западных стран.**

Сотрудничество с международными финансовыми организациями, такими как МВФ, Всемирный банк, ЕБРР основывается на договоренностях о получении кредитования на условиях выполнения определенных обязательств, связанных с реализацией государственных политик страной реципиента. По сути, такое сотрудничество требует потери части экономического суверенитета страны поскольку, как правило, условия такого кредитования предусматривают значительные преобразования в важнейших секторах экономики и сферах общественной жизни. Самым мощным кредитором Украины, среди международных организаций, является МВФ, на кредиты которого приходится 10%, а учитывая гарантированный долг - 18% всего внешнего долга страны. Вместе с тем, к сотрудничеству нашей страны с этой международной организацией, прикован взгляд всех основных кредиторов (включая другие международные организации) и инвесторов Украины. Это связано с тем, что своевременное получение финансирования со стороны МВФ гарантирует возможность государства поддерживать макроэкономическую устойчивость в среднесрочной перспективе. И, тем самым, дает возможность правительству выполнить обязанности, взятые на себя перед этой финансовой организацией. Значение этого фактора настолько существенно, что влияет даже на уровень процентной ставки, под которую частные и публичные субъекты получают кредитования. **Таким образом, мы можем констатировать, что от МВФ, (который непосредственно влияет на проведение государственных политик: как внутренних, так и внешних), зависят не только условия получения внешнего фондирования, но и объемы такого финансирования.** Более того, финансовые институты, которые держат украинские долги, как правило, представляют страны, имеющие наибольшие квоты в МВФ, оказывающие влияние на истеблишмент западных государств, соответственно способствуя лоббированию решений в свою пользу на различных уровнях.

Что касается корпоративного сектора, то здесь также четко отслеживается зависимость субъектов предпринимательства, действующих в Украине, от фондирования со стороны Европы. Так, к началу 2018 г., 56% всех прямых инвестиций (кумулятивный показатель за все годы независимости), в уставной капитал в Украине, приходилось на европейские страны, еще 28,3%

⁷ <http://www.minfin.gov.ua>

⁸ <https://www.epravda.com.ua/news/2018/01/31/633573/>

на Кипр (который хоть и является членом ЕС, в статистике относится к азиатской стране). Кроме того, на европейские страны приходится 46% межфирменного внешнего долга, еще 48% на Кипр. **Фактически половина инвестиций и кредитов предприятий с внешними акционерами, связанные с субъектами из стран Европы.** Более того, на оффшорные (Кипр, Виргинские острова) и полуоффшорные (Швейцария, Нидерланды, Люксембург) страны приходится 59,2% всех прямых инвестиций в уставной капитал и 70,0% межфирменного внешнего долга⁹. То есть, даже деятельность по реинвестированию ранее выведенных из Украины капиталов происходит через финансовую инфраструктуру европейских стран. **Это означает, что службы финансового мониторинга этих стран имеют полную информацию о реальных доходах и внешней деятельности представителей крупного капитала Украины. Что в свою очередь дает еще один рычаг влияния на политические и экономические процессы в стране.** Также отметим, что в структуре уставного капитала по банковской системе Украины, доля капитала европейского происхождения достигает 20,0%¹⁰, что также свидетельствует о некотором влиянии на финансовый сектор европейских финансовых структур.

С другой стороны, существенное присутствие в Украине западных компаний дает им возможность выступать в роли агентов влияния в контексте лоббирования собственных интересов. Так, Европейская бизнес ассоциация Украины является крупнейшим объединением компаний, работающих в стране, в нее входит 1001 компания¹¹. Такой размах дает возможность представлять интересы фирм на уровне правительства и местных властей. **Западные компании внутри страны предпочитают западные банки, тесно сотрудничают с грантовыми организациями и дипломатическими учреждениями, таким образом, формируя довольно мощный лоббистский «фронт».**

Анализируя внешние каналы поступления денежных ресурсов в Украину, следует упомянуть и о трансфертах работников-эмигрантов, которые по результатам 2018 г. достигли 14 млрд.долл.США, что сопоставимо с 11% ВВП страны¹². Именно эти средства, в течение последних лет, поддерживают платежный баланс в положительной зоне, что способствует макроэкономической стабилизации. При этом, основная доля (более 50%) поступлений от гастарбайтеров, приходит с европейских стран. Масштабы проникновения украинских рабочих в Европу иллюстрирует тот факт, что, например, в Польше каждая пятая компания сотрудничает с украинцами¹³. Здесь украинцы являются фактором сбалансированного функционирования рынка труда. **Сейчас, политики европейских стран по стимулированию реинвестирования средств работников-иммигрантов не существует, но в случае политической целесообразности власти ЕС могут начать задумываться над тем, как эти средства оставить в Европе, что может иметь значительные экономические последствия для Украины.**

Приведенные аналитические материалы дают возможность говорить о том, что украинская экономика является сильно интегрированной в западную. При этом, ее критическая зависимость от европейской транслируется через рынки товаров, капитала, рабочей силы, использование оффшорной инфраструктуры. Сотрудничество Украины с международными организациями, на которые кроме стран Европы имеют существенное влияние США, дополняет экономическую зависимость еще и политико-экономической. Поскольку политика ЕС и США в отношении

⁹ Розраховано автором на матеріалах ukrstat.gov.ua

¹⁰ https://www.socosvita.kiev.ua/sites/default/files/Visnyk_3_2018-36-50.pdf

¹¹ <https://eba.com.ua/membership/>

¹² <https://www.dw.com/uk/>

¹³ <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-05-17/polish-labor-shortage-concern-eases-as-ukrainians-take-up-slack>

третьих стран, до недавнего времени, была достаточно монолитной, взаимодействие различных международных структур, дипломатических органов, представителей корпораций и общественных организаций, можно рассматривать как мощного коллективного провайдера интересов западных субъектов (в экономическом и политическом смыслах).

Будущий политэкономический курс Украины, заранее заданный объективными условиями: власть, представители крупного капитала, бизнес, мигранты находятся под фактическим или потенциальным всеобъемлющим влиянием западных институтов. Соответственно, внешние принципы прозападного вектора дальнейших преобразований в Украине прочно встроены в каркас политэкономического управления.

ВЫБОРЫ С ВЫСОКОГО СТАРТА

Медовый месяц новоизбранного Президента и Верховной Рады восьмого созыва и образованного ею правительства закончился, практически не начавшись. Несмотря на многочисленные встречи, после которых участники демонстрировали оптимизм и веру в возможность дальнейшего сосуществования, инаугурация В.Зеленского поставила точку в гаданиях о досрочности парламентских выборов. Обошлось без дефенестрации (прим.: «*de fenestra*» - акт выбрасывания кого-либо из окна). Но слова о роспуске парламента и необходимости смены правительства были ожидаемы населением и вызвали сильную эмоциональную реакцию.

Возможно, это была изначальная заготовка. Возможно, чашу весов склонили рейтинги, обещающие партии «Слуга народа» 40% поддержки, и коалиционный демарш Народного Фронта, показавшего свою большую процедурную искушенность, а также готовность вставлять ее в колеса новой администрации.

Уже очевидно, что **новый глава государства испытывает острую «кадровую недостаточность»**. Это вселяет непреодолимые сомнения в его способности эффективно отыграть несколько месяцев, забрасывая парламентских ретроградов прогрессивными инициативами, формируя законопроектную базу для работы будущей коалиции, демонстрируя свою концептуальную и управленческую состоятельность и привлекая к себе кадры, с которыми он мог бы выстроить свою систему и победить на парламентских выборах. Поэтому президентское решение не продолжать партию, а сбросить фигуры с доски вполне понятно. Хотя оно **не устраняет базовых проблем, а только отодвигает их на время парламентской кампании**.

Показательна модель парламентских выборов, которую попыталась навязать команда «95 квартала»:

- закрытые списки позволяют прикрыть от внимания общественности большую часть списка. А значит скрыть командные недостатки;
- ликвидация мажоритарки снимает необходимость крайне сложной коммуникации с местными элитами;
- сниженный проходной барьер обеспечивает приток в парламент новой крови и девальвирует позицию старых партийных проектов.

Цель команды нового Президента — пройти парламентские выборы по упрощенной схеме, продолжая эксплуатировать своего лидера, обладающего сверхвысокой легитимностью, в качестве ракеты-носителя и сохраняя поддержку на высоком уровне. При этом — **максимально обновить состав парламента**. Потому что это не только красиво и в духе обещанных перемен, но и расширяет возможности для дальнейшего аутсорсинга партнеров по коалиции. Одно дело, когда приходится выбирать между «Батькивщиной», навязывающей свое идеологическое лидерство, «Солидарностью» и Оппозиционной Платформой «За життя». Другое дело, когда появляются новые игроки, часть из которых очень комплементарны и даже «по-родственному» зависимы.

Этот замысел настолько прозрачен, что сразу же вызвал «реакцию зала». Депутаты одномандатных округов сразу же приняли решение противодействовать этому сценарию.

Но наиболее упорными оппонентами В.Зеленского являются вовсе не мажоритарщики, а Народный Фронт, который не испытывает страха перед ролью досадного препятствия на пути реформ. Не имея иллюзий по поводу шансов своего партийного проекта на выборах, народнофронтовцы сопротивляются и досрочным выборам, и закрытым спискам, поскольку именно одномандатные округа были их способом реинкарнироваться в следующем цикле и вступить в более продуктивный диалог с новой властью. Впрочем, ставку на округа делают и другие партии, находящиеся на стадии «выведения бренда с рынка».

Другие парламентские игроки заняли более сдержанную позицию. В результате предложение Президента не отклоняли. Его просто не рассматривали, тем самым избегая необходимости объясняться. Никто не хочет попасть в зону политической токсичности. Ведь базовым лейтмотивом приближающейся предвыборной кампании станет лозунг «Новое против старого!». «Давайте «сделаем» старых!». «Старые» — это токсично. Это похоже на бирку «регионал» на предыдущем этапе. Поэтому обновиться стараются все.

Лидер Радикальной партии ездит на велосипеде в Администрацию Президента и требует максимальной открытости.

«Батьківщина» и «Самопомощь» отчаянно поддерживают решения Президента и заявляют о своей готовности подставлять плечо всем прогрессивным начинаниям и более того быть их ключевыми вдохновителями и исполнителями. «Батьківщина» неустанно напоминает всем о новизне своего курса.

«Відродження» и «Воля народа» включаются в процесс формирования партии «Доверяй делам», которая планирует активно вовлекать в свои ряды представителей местного самоуправления.

«Солидарность» в духе времени собирается проводить ребрендинг. Ее лидер переезжает в прозрачный офис. Партия объявляет о начале трансформации за счет новосоздаваемых объединений, возникших на базе пропагандистской бото-сети, тем самым демонстрируя применение новейших технологий в партийном строительстве.

Одновременно из фракции БПП в парламенте начинают выплывать и другие партийные проекты — УДАР братьев Кличко, «Люди важны» М.Нефедова, «Украинская стратегия успеха» В.Гройсмана (название предварительное). Кроме подпитки «Солидарности» бото-сеть, лояльная к П.Порошенко, продуцирует свои партийные проекты — например «Демократическую сокиру», создающую альянс с «Силой людей» и «Украинской галицкой партией».

Даже Народный Фронт, несмотря на неприятие шагов В.Зеленского, модулирует дальнейшее партийную эволюцию в диапазоне от партии «двух премьеров» до «партии одного министра». Хотя по большей части многие выдающиеся народнофронтовцы будут вливаться в ряды обновленной «Солидарности».

Вне парламента, наконец, вступает в политическую борьбу В.Вакарчук со своим партийным брендом «Голос». «Громадянська позиція» А.Гриценко, несмотря на упавший рейтинг, выражает поддержку реформам и подтверждает объединение усилий с «Народным контролем» Д.Добродомова), «Рідною Країною» Н.Томенко и «Европейской партией Украины» Н.Катеринчука.

Уже сейчас можно обрисовать приблизительный партийно-политический ландшафт, который складывается накануне парламентских выборов.

В целом **партийный спектр распадается на два крупных сегмента: условно национальный и условно интернациональный.**

Национальный:

национал-радикалы – наиболее узкий электоральный участок

- Национальный корпус А.Белецкого

национал-консерваторы

- обновленная «Солидарность» (П.Порошенко)
- ВО «Свобода»

национал-прогрессисты — наиболее электорально емкий и проектно заполненный электоральный участок с высокой конкуренцией. Однако следует отметить: **внутри национального сегмента разграничения довольно условны и проницаемы.** Симпатии избирателей могут одновременно направляться на разные проекты (например, ожидаемо, что «Голос» В.Вакарчука может отвлечь больше избирателей «Содидарности», нежели «Слуги народа»).

- «Слуга народа»
- «Голос» (В.Вакарчук)
- Партия Гройсмана, предв. «Украинская стратегия успеха»
- «Громадянська позиція» (А.Гриценко + «Народний Контроль» Д.Добродомова + «Рідна Країна» Н.Томенко + «Европейская партия Украины» Н.Катеринчука).
- «Самопомощь» (А.Садовой).
- Аграрная партия Украины
- «Демократическая Сокира» («Д7») + «Сила людей» + «Украинская галицкая партия»

национал-солидаристы — несмотря на немногочисленность партий, в этом сегменте растет уровень конкуренции, связанной с переориентацией симпатий избирателя в сторону «прогрессистского тренда». Вслед за избирателями будут трансформировать свои позиции и солидаристы

- «Батьківщина» (Ю.Тимошенко)
- «Сила и честь» (И.Смешко)
- УДАР братьев Кличко
- Радикальная партия О.Ляшко

Интернациональный — до недавнего времени это наиболее понятный политический сегмент, в котором практически монопольное положение занимала ОП «ЗЖ». Однако появление здесь проектов вроде «Доверяй делам» может привести к **оттоку прагматично-ориентированных избирателей, которые не вполне согласны с выраженной лояльной к России позицией** лидеров ОП «ЗЖ». «Доверяй делам» — проект намного менее токсичный для национального сегмента. В случае прохождения в парламент его участие в новой президентской

коалиции, в качестве символа восстановления единства украинского общества и инструмента работы с местными элитами, становится очень вероятным.

- ОП «За життя»
- «Доверяй делам» (Г.Труханов, Г.Кернес)
- ОБ «Партия мира и развития».

После провала попытки вернуться к пропорциональным выборам у нового Президента существенно сузилось поле возможностей для формирования нужной ему парламентской конфигурации без учета интересов старых политических игроков. Даже если «слуги» победят с перевесом, обозначенным социологами, а «Голос» и «Доверяй делам» пройдут и станут частью коалиционного объединения — это еще не все, это далеко не большинство. Как бы ни хотела Банковая обойтись без старых партий и мажоритарщиков, президентской команде придется искать контакта с ними. И это серьезно. Потому что **к внеочередным выборам лучше всего будут подготовлены политические игроки уже присутствующие в политическом поле и на округах.** А вовсе не те мифические «незапятнанные и профессиональные», приход которых был обещан. Помимо этого «95 кварталу» придется формировать пул лояльных к себе кандидатов в одномандатных округах и поддерживать их в ожесточенной борьбе за округа. А после выборов — работать и с другими группами депутатов. В противном случае мы получим антипрезидентский парламент. Можно ли будет подогнать его под лекало «ново-старого» — большой вопрос. **Свежепереизбранное старым не бывает. И схватка прогресса с ретроградным мракобесием может трансформироваться в противостояние «популистов-оппортунистов» с «принципиальными патриотами».**